

Дневныя записки генерала Патрика Гордона ¹⁾.

(Продолженіе).

4-го числа отъ многихъ лицъ, недавно прибывшихъ изъ Польши, узнали, что татары разграбили Янчарикъ и увели въ плѣнъ множество людей. Приступили къ исправленію Ивановскаго бастіона. Я отправилъ туда 60 рабочихъ и приказалъ имъ выдать: 60 дубовыхъ брусевъ и 5 возовъ ивовой фашины, чтобы положить въ фундаментъ; 40 мѣшковъ, чтобы выносить землю; шесть мотыгъ, десять лопатъ, двое граблей, тридцать досокъ, восемь топоровъ, 60 сажень веревокъ, два лома для пробивки земли и торфа и четыре для очистки торфа и 16 долбилъ.

5 числа писалъ своимъ друзьямъ въ Шотландію, именно: графу Абердину, моему брату Джону, моему дядѣ, моимъ сыновьямъ, генераль-лейтенанту Друммонду, подполковнику Гамильтону, г. Томъ Гордону, Байлю Гордону и Джемсу Адіе въ Данцигъ.

6 числа вода въ Днѣпрѣ не поднялась выше.

8 числа пришли люди изъ Бѣлой Церкви и Лабуня съ извѣстіями, что поляки напали внезапно на турокъ въ Меджибожѣ, убили человекъ 9 и взяли нѣсколько въ плѣнъ, которыхъ и отправили королю; что въ Меджибожѣ было, впрочемъ, не болѣе 60 янычаръ и 100 всадниковъ, преимущественно татаръ. Меджибожъ находится въ 12 миляхъ отъ Полоннаго и въ 9 миляхъ отъ Лабуня, которая отъ Полоннаго въ 4 миляхъ; что въ Барѣ, который отъ Каменца въ разстояніи 9 миль, а отъ Старо-Константинова въ 4 миляхъ, имѣется турецкій гарнизонъ изъ 200 человекъ пѣхоты и кавалеріи.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ декабрь 1916 г.

9 числа въ день чествованія памяти Св. Николая, было очень много народу въ Никольскомъ монастырѣ. Вода въ Днѣпрѣ все стояла на той же высотѣ.

10 числа отрядъ татаръ явился въ Павловицѣ и угналъ скоть съ полей и луговъ.

12 числа я отправился на островъ, гдѣ паслись лошади, и тамъ обѣдалъ съ моими пріятелями и ихъ женами; я назвалъ островъ этотъ „Якобина“.

13 числа прибылъ солдатъ изъ Сѣвска съ извѣстіемъ, что войска стягиваются, но не могъ сообщить, куда предполагается ихъ направить.

14 числа ѣздилъ въ Печерскій монастырь, гдѣ былъ очень хорошо принятъ архимандритомъ.

15 числа получилъ отъ боярина Петра Васильевича Шереметева очень дружественное и вѣжливое письмо, а также и отъ полковника изъ Баркова. Пришло царское повелѣніе боярину, чтобы онъ выдалъ присланнымъ отъ гетмана лицамъ все имущество, оставшееся послѣ покойной его супруги, а также домъ въ Москвѣ и недвижимое имѣніе; сынъ же его, по просьбѣ отца, останется у него; что впрочемъ Ихъ Величества ему и его сыну жалуютъ на содержаніе Борковъ.

16 числа отъ различныхъ лицъ, проѣзжавшихъ черезъ Польшу, было получено извѣстіе, что польскіе козаки выступили изъ зимнихъ квартиръ своихъ и направились къ Немирову; нѣкоторые говорили, что они дѣлаютъ это для полученія своего жалованья, другіе же, напротивъ того, утверждали, что гетманъ Могила, увѣдомивъ ихъ о приближеніи татаръ къ этому мѣсту, приказалъ имъ присоединиться къ нему. Кромѣ того, они сообщали, что литовская армія находится, по-прежнему, еще на зимнихъ квартирахъ въ Воляни и, вѣроятно, ранѣе Иванова дня не выступятъ.

Въ тотъ же вечеръ я получилъ извѣщеніе, что мое прошеніе объ увольненіи изъ страны передано въ руки лицъ, на которыхъ я возлагалъ наибольшее довѣріе и надежды, и что эти лица обѣщали предъявить это прошеніе, по моему желанію, царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ и обоимъ царямъ. Копія съ этого прошенія при семъ излагается ниже.

Я происхожу изъ знатнаго рода и уѣхалъ изъ моей родины въ чужія земли искать почестей и приличнаго содержанія. Я служилъ правдою и честью различнымъ монархамъ и когда обстоятельства побуждали меня оставлять ихъ службу, мнѣ никогда не отказывали въ этомъ; напротивъ того, мнѣ предоставляли,

когда я это просилъ, мою свободу и отпускали меня милостиво, давая лестный отзывъ о моей вѣрной службѣ.

Я прибылъ въ Россію съ почетнымъ званіемъ и не по нуждѣ, а скорѣе изъ расположенія (dartleness) и притомъ человѣкомъ не бѣднымъ, но по моему положенію скорѣе богатымъ.

Я прибылъ въ Россію единственно, чтобы послужить нѣкоторое время, въ надеждѣ, что меня отпустятъ безпрепятственно, когда мои обстоятельства того потребуютъ, подобно тому, какъ это было со мною въ другихъ странахъ и какъ это дѣлали въ этой странѣ въ отношеніи другихъ лицъ моего положенія.

Во время моего пребыванія въ Россіи я служилъ вѣрно и честно и не страшился никакихъ трудовъ и опасностей.

По возвращеніи моемъ съ родины въ 1670 году, я нашелъ, что мое жалованье мнѣ убавлено на одну треть. Поэтому я просилъ увольненія, но, не получивъ такового, былъ вмѣстѣ съ прочими отправленъ въ Сѣвскъ. Блаженной памяти Государь милостиво отпустилъ насъ и самъ сказалъ, что мы тамъ заработаемъ себѣ свой хлѣбъ и если въ чемъ встрѣтимъ какую-либо нужду, то должны ему только объ этомъ представить, и наша просьба будетъ тотъ же часъ уважена.

Когда же въ 1677 году я находился на службѣ Его Величества въ арміи подъ Чигириномъ, дѣйствовавшей противъ турокъ, чрезвычайный посланникъ Его Королевскаго Величества всей Британіи, эсквайръ Джонъ Гебдонъ, по приказанію Его Величества, подалъ въ посольскій приказъ, въ Москвѣ, записку (меморіаль), въ которомъ просилъ о моемъ увольненіи отъ службы и о дозволеніи мнѣ возвратиться на родину. На это ему былъ данъ отвѣтъ, что если я по окончаніи похода буду просить увольненія отъ службы, то въ этомъ мнѣ отказа не будетъ, и согласно этому было послано надлежащее приказаніе въ иноземный приказъ.

Въ 1678 г. я возвратился въ Москву съ твердою надеждою получить, согласно Всеимлостивѣйшаго обѣщанія Ихъ Величествъ, мое увольненіе. Однако, я съ всѣмъ моимъ полкомъ былъ посланъ къ Чигирину и долженъ былъ отправиться не уклоняясь отъ столь опаснаго служенія и не безпокая Его Величество просьбою о моемъ увольненіи; при этомъ было упомянуто только, что получу свободу отъ службы, если Богу благоугодно будетъ сохранить меня въ добромъ здравіи. Въ этомъ же году, лишившись всего моего имущества подъ Чигириномъ, я возвратился въ Москву, съ надеждою получить увольненіе отъ службы, но меня предупредило новое Высочайшее повелѣніе отправиться немедленно

въ Кіевѣ. Предполагалось, что турки сдѣлають нападеніе на этотъ городъ; я принялъ съ большою готовностію это новое порученіе, чтобы не подать вида, что отклоняю отъ себя столь опасную службу. Въ минувшемъ году, получивъ извѣстіе о кончинѣ на родинѣ моихъ родителей и о томъ, что мнѣ, за отсутствіемъ моимъ, не хотятъ отдать мое родительское наслѣдіе, я обратился къ Ихъ Величествамъ съ просьбою разрѣшить мнѣ съ семействомъ моимъ возвратиться на мою родину и, въ случаѣ невозможности мнѣ это разрѣшить, дозволить, хотя бы мнѣ лично одному, уѣхать на короткое время изъ Россіи. *Мои жалобы* (претензіи). Генералы: Тома Даліель и Вилліамъ Друммондъ, при мнѣ служившіе блаженной памяти Его Величеству, получали не только жалованье мѣсячное, но, кромѣ того, имъ для того, чтобы они могли жить соотвѣтственно ихъ положенію, были подарены помѣстья, приносящія значительные доходы. Генералиссимусъ Аванасій Трауернихтъ, послѣ осады Чигирина, при которой онъ ровно ничего не потерялъ, былъ пожалованъ однимъ штатгальтерствомъ за другимъ, черезъ что онъ разбогатѣлъ.

За всѣ трудности, понесенныя мною при осадѣ Чигирина, при которой я потерялъ все, что имѣлъ при себѣ, на сумму до 700 р., я получалъ только двѣсти рублей, какъ и мои товарищи, служившіе при арміи и ничего не потерявшіе, но только черезъ людей и инымъ путемъ разбогатѣвшіе.

Прочія лица въ генеральскихъ чинахъ имѣють предо мною большія преимущества въ томъ, что живутъ по гарнизонамъ, въ которыхъ они могутъ доставить себѣ многія выгоды; кромѣ того, они живутъ въ покоѣ, имѣють дѣтей, уже въ юныхъ годахъ занимающихъ видныя мѣста. Мои же два сына, въ обыкновенныхъ для того годахъ я по милости Его Величества достойной памяти получили мѣста фендриховъ, но скоро были смѣщены и я, не будучи въ состояніи дать имъ необходимаго образованія, принужденъ былъ отправить ихъ на родину къ моимъ родителямъ, чтобы доставить имъ воспитаніе и образованіе. Несмотря на то, что я по службѣ постоянно подвергаюсь большой опасности, большимъ трудамъ и заботамъ, тѣмъ не менѣе я долженъ бороться съ недостаткомъ и нуждою.

Отъ многихъ ранъ, многихъ годовъ жизни и тягостей военной службы я пришелъ въ болѣзненное состояніе и желаю получить настолько спокойное мѣсто въ моемъ отечествѣ, чтобы могъ привести въ порядокъ мои домашнія дѣла и озаботиться воспитаніемъ моихъ дѣтей и о моемъ здоровьи.

Частыя болѣзни являются какъ бы напоминаніями о смерти и тѣмъ необходимѣе становится прибѣгать чаще къ Св. Причастію; здѣсь пресѣчены всѣ способы и средства къ подобнаго рода духовной помощи и утѣшенію.

Я постоянно долженъ бороться съ нуждою и ничего не могу скопить моей женѣ и дѣтямъ, а потому могу не иначе, какъ съ горестію, помышлять о томъ, что послѣ моей смерти оставляю ихъ въ нуждѣ, среди чужихъ.

Такъ какъ Ихъ Величества въ моей просьбѣ съѣздить на родину отказали мнѣ въ такое время, когда Ихъ Величества со всѣми сосѣдями находятся въ мирѣ, не объяснивъ мнѣ причину отказа, то я не знаю, что мнѣ объ этомъ думать и въ какомъ положеніи я нахожусь.

Способы вспоможенія (redresses).

Вотъ способы, которыми можно было бы помочь моему затруднительному положенію. Если Ихъ Величествамъ почему-либо неблагоугодно меня отпустить на родину, то я всеподданнѣйше прошу принять во вниманіе слѣдующее.

Я до того далекъ отъ желанія жить въ покоѣ или ѣсть хлѣбъ въ бездѣйствіи, что охотно бы остался здѣсь или въ другомъ мѣстѣ, гдѣ служба моя можетъ быть угодна Ихъ Величествамъ или гдѣ я въ состояніи былъ нести эту службу.

Такъ какъ я здѣсь живу среди чужихъ, гдѣ все долженъ покупать по дорогимъ цѣнамъ, даже сѣно и дрова, то расходы мои на прислугу, лошадей и прочія чрезвычайныя потребности превышаютъ мои доходы.

Чтобы я могъ служить съ удовольствіемъ и жить въ нѣкоторомъ соотвѣтствіи съ моимъ чиномъ и положеніемъ, необходимо мнѣ получать нѣкоторое постоянное дополненіе или другого рода пособіе къ моему содержанію, чтобы я могъ жить и не находиться въ нуждѣ.

Чтобы въ случаѣ надобности и, кромѣ того разъ или два въ году, въ большіе праздники, мнѣ было бы разрѣшено, доколѣ существуетъ миръ или перемиріе съ Польшею, выписывать въ Кіевъ священника моего вѣроисповѣданія изъ ближайшихъ городовъ Польскаго королевства.

По причинѣ моихъ частыхъ болѣзненныхъ припадковъ необходимо имѣть въ Кіевѣ свѣдущаго въ лекарствахъ человѣка или доктора, который необходимъ не только для меня, но и для правителя края и прочихъ подданныхъ Его Величества.

Я здѣсь имѣю мало солдатъ подъ моимъ непосредственнымъ начальствомъ и совсѣмъ не имѣю, какъ подобало бы моему званію и генеральскому чину, штата; при мнѣ не состоитъ ни ординарцовъ, ни караула, которыхъ долженъ имѣть даже полковникъ. Поэтому слѣдовало бы прислать сюда болѣе солдатъ, что не только необходимо, но и въ высшей степени полезно для службы Его Величества. Если Ихъ Величествамъ угодно, чтобы я и долѣе оставался въ Кіевѣ, то я, по меньшей мѣрѣ, желалъ бы получить соотвѣтствующее моему рангу командованіе въ полѣ, въ случаѣ, если возникнетъ война или будетъ предпринятъ походъ противъ враговъ Ихъ Величествъ и не будетъ вѣроятности, что Кіевъ самъ можетъ подвергнуться нападенію.

Пока арміи сосѣдей Ихъ Величества находятся на зимнихъ квартирахъ и нѣтъ основанія опасаться какого-либо непріятельскаго вторженія, я желалъ, бы, чтобы Ихъ Величества признали возможнымъ отпустить меня на шесть мѣсяцевъ въ мое отечество для приведенія въ порядокъ моихъ домашнихъ дѣлъ.

16-го числа я получилъ письма отъ Виніуса и отъ г. Даніеля.

17 числа узнали, что ежедневно люди переправляются черезъ Днѣпръ, чтобы наниматься на службу къ полякамъ.

18 числа вода въ Днѣпрѣ стала спадать.

19 числа я писалъ въ Сѣвскъ Леонтію Романовичу Неплюеву, полковникамъ Гамильтону и Ронаэру, въ Бѣлградъ — генераль-маіору графу фонъ-Грехаму. Я также послалъ Гамильтону письмо для передачи полковнику Юнгеру.

20 числа узнали отъ людей, прибывшихъ изъ Хорошишова, что въ послѣднюю пятницу козаки, въ числѣ 3.000 человекъ, собрались и направились со множествомъ повозокъ и продовольствіемъ къ Немирову; что полковникъ Палей имѣетъ при себѣ до 6.000 конныхъ козаковъ, очень хорошо вооруженныхъ, получающихъ отъ короля польскаго по 9 левенталеровъ и по двѣ одежды каждый.

Я купилъ 600 кварта водки по 6 алтынъ ведро, всего на 10 р. 80 к.

21 числа мы узнали, что не вдалекѣ отъ Бѣлгородки въ послѣдній вторникъ убиты два купца, поѣхавшіе изъ Кіева. Я получилъ письмо и извѣстія изъ Москвы.

24 числа была сильная гроза; молнія ударила въ мой дворъ и разрушила шесть дубовыхъ столбовъ до земли.

26 числа узнали, что нѣсколько татаръ появились вблизи Бѣлой Церкви и вели съ собою нѣсколько человекъ.

27 числа пришли различныя семейства, бѣжавшія изъ Польши. и сообщили, что покинули край по причинѣ большой дороговизны, ибо бочка ржи тамошней мѣры, меньшей, нежели кievская, стоитъ 13 флориновъ, а также и отъ притѣсненій, чинимыхъ имъ козаками.

28 числа въ день Вознесенія Христова я обѣдалъ, съ многими другими лицами, у окольногочаго.

29 числа въ день рожденія почившаго англійскаго короля англичане чествовали память его, съ немалою печалью.

30 числа были закончены крѣпостныя укрѣпленія у Печерскихъ воротъ.

31 числа греки отправились въ Польшу съ лошадьми, чтобы продать ихъ.

1 iюня я пошелъ на островъ къ моимъ лошадямъ и нашелъ ихъ всѣхъ въ хорошемъ состояніи. Вечеромъ, вскорѣ послѣ заката солнца, на западѣ появилась на небѣ огненная змѣя, которая сперва поднялась какъ ракета, а затѣмъ стала блѣднѣть и черезъ полчаса совсѣмъ исчезла.

2 числа купецъ, прибывшій изъ Лембергъ, сообщилъ, что польскій сеймъ двѣ недѣли уже окончился и что на сеймѣ рѣшено двинуться съ арміею къ Каменцу для его осады и продолжать войну съ турками со всею силою. Далѣе онъ разсказывалъ, что римскій императоръ, недѣль 5 тому назадъ, разбилъ турецкій конвой, сопровождавшій въ г. Буду большой транспортъ; что венеціане одержали въ Средиземномъ морѣ значительныя побѣды надъ турками и, наконецъ, что *Морлаки*, при содѣйствіи венеціанскаго генерала и подъ его предводительствомъ, одержали большіе успѣхи и очень опустошили турецкія владѣнія.

Въ тотъ же вечеръ прибылъ стольникъ Семень Протасьевичъ Ненлюевъ.

3 числа я и прочіе офицеры провожали боярина въ Печерскій монастырь, откуда мы, отстоявъ богослуженіе и отобѣдавъ, возвратились назадъ.

4 числа бояринъ, стольникъ, Мазена, бунчужный и другія лица обѣдали у меня.

5 числа Мазена и бунчужный были присланы гетманомъ въ Кіевъ, чтобы, согласно Царскому приказу, получить драгоцѣнные камни, деньги, одежду и прочія вещи, которыя гетманъ далъ своей дочери при вступленіи ея въ бракъ. Они предъявили большой списокъ деньгамъ, которыя гетманъ въ разныя времена посылалъ своему зятю, и въ томъ числѣ даже тѣ, которыя предназначались для войска, что составляло 7.714 р. Изъ числа ихъ

2.500 р. были заплачены за домъ въ Москвѣ, который, согласно царскому приказу, также долженъ былъ быть возвращенъ гетману. Въ томъ же спискѣ показаны были все подарки, которые при свадьбѣ и послѣ сдѣлали полковники и другія лица, а также разныя другія вещи, о которыхъ бояринъ не въ состояніи былъ припомнить. Стольникъ Семень Протасьевичъ долженъ былъ все принять отъ боярина, передать это все двумъ другимъ лицамъ и получить себѣ надлежащую росписку. Бояринъ долженъ былъ получить завѣренную копію съ росписки, чтобы онъ могъ знать, что должно достаться его сыну, по достиженіи имъ совершеннолѣтія. Бояринъ отдалъ всю серебряную посуду, вѣсившую болѣе ста фунтовъ, также жемчугъ, драгоценныя камни и 19 колецъ, оцѣненные въ 760 рублей, платья и мѣха стоимостью въ 1.000 р., болѣе всякое и домашнія принадлежности всякія, полученныя его супругою отъ ея отца. Подарки же, сдѣланные ему полковниками и другими лицами, онъ не возвратилъ, потому что это требованіе было противно всякой справедливости, хотя они и были означены въ спискахъ у обоихъ уполномоченныхъ. О деньгахъ, составлявшихъ сумму 5.214 рублей, бояринъ заявилъ, что они израсходованы.

5 числа я получилъ съ драгуномъ письма отъ полковника Гамильтона и Ронаэра.

6 числа утромъ была закончена передача вещей уполномоченнымъ гетмана. Они все обѣдали потомъ у боярина, при чемъ между бояриномъ и окольными возникъ споръ. Я писалъ: голландскому резиденту, г. Виніусу, г. Тройену, князю Василю Васильевичу (прося послѣдняго уволить меня на нѣкоторое время изъ страны), Петру Васильевичу—о томъ же самомъ и Леонтію Романовичу Неплюеву, передъ которымъ оправдывался въ своемъ прежнемъ представленіи въ слѣдующихъ словахъ.

Я благодарю Васъ за особенную милость, которую вы проявили въ моемъ дѣлѣ въ Москвѣ. Разсматривая мою просьбу благосклонно и справедливо, нельзя признать ее преувеличенною, потому что я прошу не болѣе того, что получили другіе и теперь еще получаютъ, не болѣе того, что требуетъ сохраненіе моей души, мое тѣлесное здоровье и мое содержаніе, соответственное моему положенію.

При объявленіи намъ въ 1669 году, что мы будемъ получать только третью часть отпускавшагося намъ ранѣ жалованья, намъ было заявлено, что не желающій служить за третью часть можетъ свободно оставить страну. Только я одинъ оказался не-

счастливъ, ибо часто просилъ уже увольненія, но не могъ его получить.

Я по доброй волѣ прибылъ въ страну, чтобы служить Ихъ Величествамъ нѣкоторое время и не былъ ни купленъ, ни взятъ въ плѣнъ. Поэтому совершенно не правильно и не справедливо, что меня не хотятъ выпустить изъ страны, по крайней мѣрѣ на короткое время.

Если бы я имѣлъ возможность привести въ порядокъ мои домашнія дѣла въ мое отсутствіе, я не подвергалъ бы себя опасностямъ подобной поѣздки и сопряженнымъ съ нею расходамъ. Но это рѣшительно невозможно, потому что дѣло съ братьями, а сыновья моя еще слишкомъ молоды, чтобы заниматься подобными дѣлами; никто же изъ постороннихъ не хочетъ вмѣшиваться въ наши дѣла; кромѣ того, имѣется еще много другихъ причинъ, о которыхъ здѣсь не могу упомянуть.

Было бы совершенно справедливо и правильно, чтобы меня вознаградили за убытки, которые терплю, отъ того, что меня задерживаютъ здѣсь. Въ такомъ положеніи, въ которомъ я нахожусь въ настоящее время, весьма естественно, что горе и заботы вызовутъ болѣзни и когда я умру, то смерть моя причинитъ расходы Ихъ Величествамъ, такъ какъ принуждены будутъ кормить и содержать мою жену и моихъ дѣтей; дѣти же, еще долгое время, не въ состояніи будутъ отправлять службу или зарабатывать себѣ пропитаніе.

Я пишу Вамъ откровенно, въ увѣренности въ вашей ко мнѣ дружбѣ и добротѣ. Прошу васъ еще разъ написать обо мнѣ съ тѣмъ, чтобы это дѣло такъ или иначе получило бы окончаніе, потому что неизвѣстность увеличиваетъ мое горе въ высшей степени.

Кромѣ того, я писалъ еще и полковникамъ Гамильтону, Ронаэру и Скотту.

7 числа около 12 часовъ я и всѣ прочіе офицеры были позваны къ боярину. Мы пришли всѣ въ канцелярію, гдѣ находился окольникій. Бояринъ передалъ ему ключи, списокъ наличнаго состава гарнизона и инструкціи. Послѣ этого мы всѣ направились въ церковь и сдали двѣ иконы и знамена царскія, занѣсе туда доставленныя. Послѣ небольшой молитвы бояринъ ушелъ и помирившись съ окольникіемъ обѣдалъ у него. Затѣмъ всѣ офицеры проводили боярина чрезъ Черторой, гдѣ было здорово выпито, а затѣмъ всѣ разошлись. Все общество провожало затѣмъ окольникіаго домой, гдѣ выпили еще болѣе.

Кіевскій полковникъ Григорій Коробченко прислалъ письмо козацкому гетману Могилѣ и пытался убѣдить его покинуть польскую службу, но не получилъ на это никакого отвѣта; Могила переслалъ это письмо польскому королю.

8 числа вступилъ въ городъ избранный полкъ солдатъ. 400 человекъ съ десятию знаменами были отряжены изъ города, чтобы произвести ученье вмѣстѣ съ двумя полками, вновь прибывшими; послѣдніе состояли изъ 700 человекъ.

9 числа я получилъ извѣстіе, что сынъ боярина заболѣлъ въ Броварахъ; онъ имѣлъ два раза судорожные припадки.

Въ моемъ полковомъ спискѣ, отправленномъ въ Москву, значилось драгуновъ—123, солдатъ—149, стрѣльцовъ—287, констеблеровъ—55, всего же 594 человека.

10 числа пріѣхалъ офицеръ изъ Бѣлгорода и привезъ мнѣ письмо отъ генераль-маіора графа фонъ-Грехамъ.

Въ тотъ же день я писалъ въ Москву боярамъ: князю Никитѣ Семеновичу (Урусову), Алексѣю Петровичу (Салтыкову), думному дворянину Ѳедору Андреевичу (Зыкову), писцу Ивану Бирину и дяку Андрею Виніусу.

11 числа я отвѣчалъ лорду Грехаму съ полковникомъ Англеромъ и извинялся, что не могъ доставить требуемые 70 рублей.

Я прикончилъ дѣло съ Одоверномъ, далъ ему 50 рублей и получилъ отъ него росписку въ удовлетвореніе его различныхъ требованій.

12 числа пришло извѣстіе изъ Москвы, что многимъ полкамъ приказано выступать къ границамъ крымскимъ и къ Дону. Это послѣдовало единственно, чтобы доставить удовольствіе римско-католическому послу и чтобы его позабавить, такъ какъ онъ долженъ былъ полагать, что эти полки заставятъ обезпокоиться татаръ, къ которымъ, нѣсколько недѣль тому назадъ, отправили пословъ, съ обычнымъ платежемъ денегъ за два года и съ увѣреніемъ, что не намѣрены нарушать мирныхъ отношеній съ ними, ни съ турками. Означенныя войска должны были быть подъ предводительствомъ лица знатнаго происхожденія, но не большаго чина, именно стольника князя Михаила Ѳедоровича Сайдакова, Ивана З—ча Леонтьева и другихъ лицъ въ качествѣ ихъ помощниковъ или товарищей.

13 числа было получено извѣстіе о кончинѣ стародубскаго полковника Семеона, старшаго сына гетмана, умершаго 7 іюня; его должны были привести въ Кіевъ, чтобы предать землѣ.

14 числа было сообщено, что полковникъ Палей двинулся въ Крымъ и, какъ говорили, съ отрядомъ въ 20.000 человекъ, чтобы воспрепятствовать татарамъ дѣлать набѣги въ Польшу.

16 числа пріѣхалъ изъ Польши грекъ съ извѣстіемъ, что одинъ дворянинъ завѣрилъ его, что поляки расположены заключить миръ съ турками и напасть на русскихъ. Извѣстіе это имѣло мало вѣроятія и мало основанія. Я приказалъ обмѣрить внѣшніе валы большого и малаго города въ Кіевѣ. Валъ Софійской части города имѣлъ 987 сажень, валъ малаго города только 380 с., михайловской части—210 саж., печерской—575 саж., всего же съ болверками, кромѣ внѣшнихъ укрѣпленій,—2.152 (fath) сажени. Я распредѣлилъ потомъ посты (караулы). На три внѣшнихъ воротъ приходилось 6 дневной стражи, въ софійской части 25 дневныхъ и 15 ночныхъ постовъ или карауловъ, въ маломъ городѣ 13 дневныхъ и 3 ночныхъ карауловъ; въ михайловской части 4 дневныхъ и 5 ночныхъ карауловъ, въ печерской 14 дневныхъ и 8 ночныхъ карауловъ. Это было рассчитано по малому числу гарнизона въ то время. Когда гарнизонъ будетъ многочисленнѣе, то и эти караулы должны быть увеличены.

17 числа я получилъ письма изъ Москвы отъ ротмистра Захарія Бабина отъ 5 іюня, но оно не содержало въ себѣ новостей. Зять мой сообщалъ мнѣ, что 14 числа долженъ прибыть въ Батуринъ Ѳедоръ Петровичъ Шереметевъ, а гетманъ направится къ р. Дону, чтобы проститься съ своимъ сыномъ. Тѣмъ временемъ бояринъ долженъ былъ пребывать въ Батуринѣ, до возвращенія гетмана. Шпіонъ Иванъ Филимоновичъ Вариловъ возвратился назадъ и сообщилъ, что сенаторы сорвали польскій сеймъ (это было невѣрно); что король съ воеводою Краковскимъ двинется къ Вѣнѣ на помощь римскому императору; что Любомірскій направится къ Каменцу и долженъ овладѣть имъ, а также тремя пашами и ханскимъ сыномъ, недавно прибывшими въ Каменецъ; что ханъ татарскій самъ съ великимъ визиремъ двинутся противъ римскаго императора; что король польскій удалился съ сейма неизвѣстно куда; что поляки очень недовольны королемъ. Говорили также, что король находится въ Яворовѣ; что литовская армія стягивается у Берестечка, но не желаетъ оказывать содѣйствіе императору, развѣ что король уплатитъ ей жалованье; что московская бочка ржи стоила 10 рублей, а потому среди бѣдныхъ обывателей царитъ голодъ. Все это шпіонъ узналъ отъ дворянина по имени Юрій Погара, который живетъ невдалекѣ отъ Лемберга. Сообщилъ П. М. Майновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).